

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА СРЕДИ СТУДЕНЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Статья посвящена деятельности ведомств политического сыска по наблюдению за революционной активностью студенчества в Российской империи во второй половине XIX века. Автором определены составные элементы системы наблюдения за студентами: секретные отделения при университетах и институтах, III Отделение с.е.и.в.к., губернские жандармские управления. Органами политического сыска использовались такие методы борьбы, как внедрение тайных агентов, организация провокаций. В качестве мер пресечения политической активности применялись судебное преследование и административная ссылка.

Ключевые слова: студенческие беспорядки, политический сыск, губернские жандармские управления, агентура, провокация, административная ссылка.

В настоящее время многие авторы обращаются к исследованию политического сыска в Российской империи второй половины XIX в. (Ч.А. Рууд, С.А. Степанов, В.С. Измозик, З.И. Перегудова) [1–3], но деятельность политической полиции в отношении студенчества рассмотрена недостаточно. Целью статьи является анализ форм и методов борьбы III Отделения с.е.и.в.к., местных ведомств политического сыска и администрации против студенческих беспорядков.

Конец 1860-х гг. в Российской империи характеризовался ростом революционной активности, участником которой стало студенчество. В связи с активным участием учащейся молодежи в революционной и пропагандистской деятельности студенчество оказалось под пристальным вниманием III Отделения с.е.и.в.к. и его ведомств.

Расследования по политическим делам этого периода показали, что фигурантами дел становились студенты столичных учебных заведений – Медико-хирургической академии, Технологического института, Петербургского университета, а в провинции – Казанского и Харьковского университетов. В фондах секретного архива III Отделения только за период конца 1860-х – начала 1870-х гг. содержится около тысячи дел, связанных со студенческими беспорядками. В основном это агентурные донесения и записки, выписки из писем подозреваемых. Данные систематизированы по крупным учебным заведениям (Петербургский, Варшавский и Киевский университеты; Московское техническое училище, Петербургские высшие женские курсы).

По выводу начальника III Отделения П.А. Шувалова студенчество с конца 1860-х гг. являлось «составным элементом государственного злоумышления». Причинами активного участия студентов в беспорядках он считал: возраст студентов с его естественной восприимчивостью всего нового, особенно «с заразной заманчивостью

* © Логачева Н.В., 2011

Логачева Наталья Викторовна (logachevan@), кафедра государственно-правовых дисциплин Пензенского государственного университета, 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40.

тайны и запрещенного плода»; их корпоративность и общность интересов; скопление молодежи в университетских городах и стенах академий. В качестве особенности российских высших учебных заведений, в сравнении с зарубежными, начальник III Отделения отмечал огромное количество студентов, не имеющих средств к существованию. И действительно, в Англии, например, для абитуриентов существовал своеобразный имущественный ценз: при поступлении требовалось удостоверение об определенной сумме годового дохода; в Германии молодые люди сознательно не стремились к высшему образованию, зная, что не смогут его оплатить и содержать себя. Они ограничивались средними или профессиональными учебными заведениями, обеспечивая себе безбедное будущее.

В России же со всех ее окраин стекались в Петербург и Москву молодые люди, имевшие деньги только на дорогу, с надеждой найти средства к существованию в большом городе и с мечтой получить высшее образование. Так, лица судебного ведомства, рассматривая материалы расследования по делу «Об обнаруженных в различных местностях империи признаках злоумышлений против установленного порядка управления», проведенного под руководством сенатора Я.Я. Чемодурова в 1869 году, были поражены нищетой практически всех фигурантов. Один из студентов, арестованных по делу, «жил двумя уроками в неделю, по 35 копеек за урок, и для них ходил во всякую погоду с Выборгской стороны в Коломну». Следствием истощения сил и голода были тиф, чахотка и другие болезни, а также обиды и озлобленность, которые толкали молодых людей в революционную деятельность.

На студенчество как на потенциально опасную в политическом отношении среду обратил внимание в конце 1850-х годов еще предшественник П.А. Шувалова В.А. Долгоруков. Это было связано с событиями в Польше и Литве. Особых мер, кроме изменений в университетском уставе, предпринято не было.

В 1859 году Министерством внутренних дел по согласованию с Министерством народного просвещения были созданы правила о надзоре за студентами, где говорилось о том, что необходимо студентов всех учебных заведений подвергнуть одинаковому надзору. Это оказалось невозможным, так как учебные заведения были подчинены разным министерствам (по их профессиональной направленности). Несогласованность действий различных ведомств и руководства высших учебных заведений привела к тому, что студенты различных университетов, институтов и академий оказались в совершенно неодинаковом положении: в одних учебных заведениях с одобрения начальства они имели то, что в других строго запрещалось (наличие дешевой общественной столовой, вспомогательной кассы, студенческого актива). Это было одной из главных причин беспорядков и недовольства. За любое проявление общественного возмущения активистов подвергали исключению, и материалы о них передавали политической полиции.

Существовала специальная система слежки за студенчеством: кроме органов политического сыска этим занимались и специально созданные секретные отделения (например, в Медико-хирургической академии), которые расследовали все случаи студенческой неблагонадежности, о результатах сообщалось в III Отделение и в полицейские ведомства. Результатом подобных расследований становилась чаще всего высылка в административном порядке на окраины империи, в том числе города губерний Поволжья (Симбирск, Саратов, Пенза) [4].

Тайные агенты так докладывали о ситуации в Казанском университете: «...процветал либерализм, много преподавателей участвовало в революционных событиях 1860-х годов, студенты недовольны правительством, существующим порядком... Высшие женские курсы тоже рассадник революционных настроений. Именно они дали таких деятелей, как Фигнер, Михайлова...». Одним из агентов был составлен список лиц,

«вредно влияющих на учащееся юношество: три преподавателя Казанского университета, присяжные поверенные, юристы, врачи, офицеры, студенты – некоторые находящиеся под надзором полиции, некоторые бывшие члены революционных кружков – приблизительно 64 человека» [5].

Очень часто основанием для политического преследования становились не революционные, а бытовые действия студентов. По архивным данным студенты Петербургской медико-хирургической академии выпустили воззвание «К общественности», в котором сформулировали требования к университетскому начальству: право иметь кассу взаимопомощи; право совещаться о своих делах в здании университета; о снятии униженной полицейской опеки [6]. Очевидно, что эти требования не имели политического характера.

П.А.Шувалов докладывал Александру II, что для прекращения студенческих беспорядков и политизации студенчества необходимо прежде всего улучшить их материальное и моральное состояние: создать дешевые студенческие кухмистерские; библиотеки, созданные из книг, пожертвованных более зажиточными студентами; ссудовспомогательные кассы; ремесленные мастерские, с целью предоставлять студентам предметы одежды и обуви по сходным ценам; и, наконец, дать им возможность под контролем университетского начальства обсуждать их насущные проблемы. Именно по его инициативе была создана система мер борьбы с революционной активностью учащейся молодежи.

Впервые в известном «Нечаевском деле» политическая полиция в ходе наблюдений за студенчеством использовала ширококомасштабную провокацию [7, с. 107]. Опираясь на тщеславие и самомнение С. Нечаева, III Отделение с.е.и.в.к. для выявления революционно настроенных студентов использовало его «втемную», т. е. без согласия на сотрудничество [8, с. 57].

Пропагандистская активность, масштабы инакомыслия, рост студенческих беспорядков требовали более пристального внимания и перестройки системы работы политического сыска. В июне 1869 года начальникам губернских жандармских управлений были разосланы циркулярные предписания с требованием к чинам корпуса жандармов активизировать все ресурсы с целью установления тотальной слежки «за сношением сомнительных лиц с простонародьем», поскольку «нигилизм перерос в прямое порицание существующего строя». Местная администрация также была активно привлечена к борьбе с революционной агитацией – губернаторы получили циркулярные предписания из Министерства внутренних дел за подписью А.Е. Тимашева, содержащие инструкции по наблюдению за населением на местах [9].

Ведомства политического сыска активно использовали тайную агентуру. Агенты III Отделения действовали «...в местностях, которые по характеру населения представляли наиболее удобную почву для агитации, а именно: места фабричные и промышленные. Исследованы были в вышеозначенных отношениях: село Иваново, весь Шуйский уезд и вообще фабричные центры Владимирской губернии; подмосковные заводы и фабрики; тульские заводы; путь от Москвы до Нижнего Новгорода и прибрежье Волги до Самары...» [10]. Они внедрялись в различные слои населения и добывали необходимые сведения.

Рассматривая тему студенческой революционной активности, необходимо отметить сочувственное отношение профессуры к нуждам и интересам студенчества. Председатель ученого комитета Министерства народного просвещения А.И. Георгиевский отмечал «...полицейские стеснения студенчества в частной жизни; отсутствие строгой разборчивости в произведении арестов и применении административных мер...» [11, с. 8]. Многие преподаватели высших учебных заведений справедливо полагали, что положение студентов требует внимания и улучшения. Когда один из профессоров

Московского университета Любимов принял участие в пересмотре университетского устава в сторону его ужесточения, тридцать пять профессоров осудили его участие в комиссии, составили об этом письмо, к которому присоединились профессора Казанского университета. Один из очевидцев событий отмечал «...крайне благосклонное участие профессуры к революционному настроению студенчества» [12, с. 34].

Результатом этого «благосклонного участия» профессоров стал негласный надзор ведомств политического сыска, характеристика их как «вредно влияющих на юношество» и увольнение [13]. В итоге высшие учебные заведения лишались лучшей части преподавателей, в силу своих нравственных качеств не способных не сочувствовать студентам.

В целом система мер политической полиции, направленная против студенческих беспорядков, включала в себя надзор в университетах, академиях и институтах, тотальную слежку губернскими жандармскими управлениями и общей полицией на местах, широкое использование тайной агентуры путем внедрения агентов в студенческую среду. И, наконец, политическая полиция начала организовывать провокации («Нечаевское дело»).

По нашему мнению, система мер, созданная по инициативе П.А. Шувалова, действовала достаточно эффективно, хотя типичная для Российской империи несогласованность действий разных управленческих ведомств препятствовала этому. Кроме того, недостатком деятельности политической полиции было то, что все мероприятия, обозначенные начальником III Отделения, стали проводиться уже после покушения Д. Каракозова, хотя должны были быть превентивными. Факт назначения на пост главы III Отделения гр. Шувалова после покушения на цареубийство говорит сам за себя: активные действия только после экстраординарного события — террористического акта. Конечно, деятельность политического сыска не могла предотвратить дальнейшего революционного развития событий, поскольку прерогатива охранительной системы достаточно узка — бороться с тем, что уже есть (политическими противниками). Избежать обострения политической обстановки и террористических актов 1870-х, 1880-х г.г. могла лишь продуманная и согласованная политика во всех сферах жизни государства — экономике, социальной сфере, в области судебной системы.

Библиографический список

1. Рууд Ч.А., Степанов С.А. Фонтанка 16. Политический сыск при царях. М.: Мысль, 1993. 434 с.
2. Измозик В.С. Политический розыск ведет III Отделение (1826–1880 годы) // Жандармы России. СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: Олма-Пресс, 2002. С. 248–278.
3. Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2000. 430 с.
4. ГАПО (Государственный архив Пензенской области). Ф. 5. Оп. 1. Д. 83. Л. 4 об., 5 об.
5. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 102. Оп. 1. Д. 88. Ч. 33. Л. 3 об.
6. ГАРФ. Ф. 109. 3 экс. Д. 44(4). Л. 162 об.
7. Лурье Ф.М. С.Г. Нечаев и политический сыск // Лурье Ф.М. Политический сыск. СПб., 1997. Вып. 2. С. 107.
8. Нечаева А. Воспоминания о брате // Былое. № 10. С. 57.
9. ГАПО. Ф. 202. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
10. Всеподданнейшие отчеты III Отделения. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 34. Л. 10.

11. Георгиевский А.И. Краткий очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб., 1902. С. 8.
12. Вонлярский В. Мои воспоминания 1852–1939. Берлин, 1939. С. 34.
13. Политический обзор Казанской губернии. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 88. Л. 73.

*N.V. Logacheva**

INSTITUTES OF POLITICAL INVESTIGATION AND STUDENT COMMUNITY IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND PART OF THE XIX CENTURY

The article describes common practices of political investigation institutes towards politically active students in Russian Empire of the second part of XIX century.

The author outlines the main elements in the monitoring system that monitored students: secret agencies in the body of educational institutes, enforcement agency under emperor's supervision, local political investigation institutes of Russian Empire's territorial subdivisions.

Such methods as placing secret agent in the student community, entrapment and provocation were commonly used by the investigation institutes. Prosecution and administrative exile were used as restrictive measures.

Key words: students' unrest, political criminal investigation, local political investigation institutes of Russian Empire's territorial subdivisions, secret agents, provocation and entrapment, administrative exile.

* *Logacheva Natalia Viktorovna* (logachevan@gmail.com), the Dept. of State-Legal Disciplines, Penza State University, Penza, 440026, Russian Federation.